

**ОНТОАНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП «ПРИЗНАНИЯ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ»
В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА**

*Работа представлена кафедрой философии
Дальневосточного государственного технического университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. Е. Ячин*

В центре внимания автора – психократические идеи русского философа Н. Ф. Федорова, на основе которых в статье предложен принцип «признания без исключения». Для рассмотрения данного принципа автор обращается к пространственной концепции П. А. Флоренского, а также к некоторым наблюдениям современной психотерапии (Б. Хеллингер).

The author's attention is focused on psychocratic ideas of the Russian philosopher N. Fyodorov, which the principle of «recognition without exception», proposed in the article, is based on. In order to examine this principle the author adverts to the spatial conception by P. Florensky and also some observations of the modern psychotherapy (B. Hellinger).

Обращение к творческому наследию отечественных мыслителей прошлого является важным условием основательности и жизнеутверждающей силы современных философско-антропологических изысканий. Рассмотрим один важный момент, обнаруженный нами у Н. Ф. Федорова (1829–1903) и весьма значимый в настоящее время. Известно, с каким вниманием относились к мыслям и личности Н. Ф. Федорова «самые большие русские люди»¹.

Антропология Н. Ф. Федорова дана нам в его учении о *психократии*, о *всеобщем Родстве*, которое, по мысли философа, и есть определяющая человека реальность. При этом основания для общего дела и собственного миропонимания Н. Ф. Федоров находил в христианстве. Потому учение о психократии изложено им как учение о надлежащем исполнении религиозных заповедей: «Учением о Единородном Сыне Божиим... призываются все люди к признанию себя сынами всех умерших отцов и, следовательно, братьями всех живущих, призываются к познанию себя сынами, внуками, потомками отцов, дедов, предков. И такое познание есть история, не знающая исключений, не знающая людей недостойных памяти...»². В данной формуле общего дела мы находим принцип *признания без исключения*. Этот принцип вводится как *онтоантропный*. В силу включенности во всеобщее родство и в силу готовности признать родство – человек возможен и является таковым. С другой стороны, своим участием в родовой всеобщности человек воспроизводит мир, делает возможным существование мира.

Всеобщее родство не отменяет значения каждого участника. По Н. Ф. Федорову, «мы говорим все-, а не всё-единство, желая тем выразить единство личностей, а не отвлеченное всё-единство»³. Психократия означает преодоление как «всеобщей розни», так и обезличивания. Прежде всего речь идет об умерших, об «общей памяти», в которой «Синодик достигает... истинно вселенского характера». Учитель общего

дела печалится, что помяник «...не будет иметь полноты, пока соборы будут отлучать... а не исследовать причины ересей...»⁴.

Говоря об особой задаче российского самодержавия, философ замечает, что «титул царский... расширяется по пространству; с областями же живущих принимаются самодержавием под свою охрану и защиту и забытые царства умерших, кладбища вскрываются и имена исчезнувших царств присоединяются к царскому титулу»⁵.

Значим каждый, без исключения. Каждый человек, род, народ. Как ныне живущий, так и умерший. Перед нами развернутая антропологическая картина, сотканная из связей родства, а не усредненные показатели. «Для того чтобы раскрыться, показать и вместе понять себя, человечество должно воспроизвести себя из простейших элементов, и не в подобном только, или сокращенном, порядке, но в действительном, чрез все индивидуальности, чрез кои проходили эти элементы... иначе не будет полного взаимознания... Вопрос психократический – есть вопрос о всеобщем воскрешении»⁶.

Тема *исключения* – это еще один поворот той же темы признания и причастности. Само по себе утверждение «Признайте всех!» вполне может быть воспринято как пожелание хорошее, но в общем не обязательное для меня лично. Тем более если речь о преступнике или негодяе. Однако *исключение* решающим образом влияет на каждого из нас. Сошлемся здесь на работы нашего современника психотерапевта Берта Хеллингера, который исследует значение родовой связи (включающей живых и умерших) на жизнь каждого человека по методу семейных расстановок⁷. Драматичные и, порой, трагические иллюстрации к последствиям *исключения* – это болезни и судьбы тех, кто принял на себя груз отказа от родного человека. Так или иначе, признание пробивает себе дорогу, вопреки моему сопротивлению или незнанию. Не в этом ли удивительный ресурс? Оказывает-

ся, *связь есть всегда*. Энергия всеобщего родства присутствует в нас, даже если мы пытаемся отгородиться. Результаты, полученные Б. Хеллингером, значимы, как яркая иллюстрация действительности и актуальности идей Н. Ф. Федорова. Экспериментальный материал семейных расставок позволяет увидеть учение общего дела не только с позиций религиозных, но с позиций современной гуманитарной науки и психотерапии⁸. Признание без исключения оказывается не только нравственным императивом, не только долгом, но и необходимым условием жизнеспособности отдельного человека. Каждый из нас от роду включен с семейно-родовые отношения и может лишь признать это или пытаться сопротивляться реальности.

Необходимое и должное не всегда возможно. Вопрос в том, *как принцип признания посилен отдельному человеку?* Да, и посилен ли вообще? Сделаем следующий шаг и заметим, что возможны два радикально различающихся прочтения обсуждаемого принципа и, соответственно, две разных стратегии восприятия собственной родовой памяти.

Первая из них состоит в том, что я, как личность, с каждой другой личностью – человеком или сообществом – вступаю в диалог. По мере диалога обнаруживаю возможную связь. Пока эта работа не проделана и не затрачены силы на преодоление исходного одиночества, мне никто не доступен. Такова стратегия личной силы.

Другой путь открыт тем, кто склоняется перед родителями, чувствует и осознает себя сыном, внуком и правнуком. Перефразируя знаменитую фразу Максима Горького, мы скажем, что «человек – это звучит слишком гордо». Каждый из нас, по Н. Ф. Федорову, прежде всего *сын человеческий*. Таков путь обретения слабости. Вторая линия стратегична по определению. Деятельность обрачивается прояснением того, что уже присутствует, а не созданием нового. Здесь же мы обнаруживаем ответ на вопрос о необходимой энергии. Самобытность и жизнен-

ность родоэтнических сообществ оказывается важнейшим исходным обстоятельством. В «слабом» подходе я помещен в пространство и среду родства⁹, я настроен именно на эту реальность. Я всех исходно принимаю. Я сосредоточен на том, что энергия родства и связи не требует сама по себе моего интеллектуального или иного «усиленного» обеспечения. Достаточно *не сопротивляться*. В соответствии с этим миропониманием я обустроиваю себя.

Лучше понять принцип признания без исключения мы можем благодаря пространственной модели, предложенной П. А. Флоренским¹⁰. Рассматривая какую-либо вещь, вместе с этой вещью мы должны принять во внимание соответствующую ей действительность. Таким образом, в случае семейно-родовой общности мы имеем дело с особым миром, который населен и определен его обитателями, вещами, средой и собственной пространственной организацией. Следствием такого положения дел оказывается тот факт, что каждый участник семейно-родовой связи обязательно влияет на остальных, создает *кривизну* пространства (если мы будем говорить в терминах модели П. А. Флоренского)¹¹. Если мы пытаемся «запретить» влияние участника системы, то энергия будет накапливаться и потенциал соответствующего центра силы станет расти. Не в этом ли энергетическая суть исключения? Мы можем предположить, что запретной области свойственна особая *энергоёмкость*¹².

Пространственно-энергетическое прочтение позволяет предположить, что принцип признания без исключения «работает» не только в родовых, но и в иных системах с участием человека¹³.

Значение обсуждаемого принципа для нашей страны трудно переоценить. С позиций общего дела революционная история России предстает не иначе как обрушением основ и самой возможности человеческой жизни – *всеобщее исключение*, торжество «всеобщей розни». По мысли Н. Ф. Федорова «забвение отцов необходимо ведет к

вырождению и вымиранию, и нашему времени остается на выбор воскрешение или вымирание»¹⁴.

Здесь мы вспомним мыслителя, в чьих работах советская эпоха получила одно из ярких философских описаний. М. К. Мамардашвили увидел *событие антропологической катастрофы*, а соответствующий мир назвал миром абсурда, невозможности человека, Зазеркальем. Мыслитель оставил нам в наследство не только свою концепцию, но и открытый вопрос: возможно ли Возвращение? И он же предложил версию ответа, сформулировав *закон именованности* как «условие исторической силы»¹⁵: «Единственный шанс иметь будущее, а он же и шанс стать людьми – это, именуя, выносить наружу и осознавать беды и несчастья, а не загонять их вовнутрь, где они на-

чинают двигаться и развиваться иррациональными, стихийными и патогенными путями»¹⁶.

В предложенной формулировке мы усматриваем редакцию принципа признания без исключения, а в самом принципе находим ответ на вопрос о возможном возвращении в мир подлинного. «Беды и несчастья» – это следствия или, точнее сказать, *представители событий исключения*. Именование, действительно необходимое, – это прояснение вопроса о тех, кто исключен и должен быть признан. Таково условие жизненной силы. Следствием сказанного для нас является вывод о том, что осмысление темы семейно-родового и этнокультурного наследования – одна из основных задач современной российской антропологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н. А. Религия воскрешения // О русской философии: В 2 т. Свердловск, 1990. Т. 2. С. 25.

² Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 94.

³ Там же. С. 90.

⁴ Федоров Н. Ф. Вопрос о восстановлении всемирного родства // Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 312.

⁵ Федоров Н. Ф. Самодержавие // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 36.

⁶ Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве. Т. 2. С. 270.

⁷ То, что открыл Б. Хеллингер, одним из его учеников описано следующим образом: «Родовая совесть заботится об исключенных, непризнанных и забытых, неоцененных и умерших. Если из системы семьи по каким бы то ни было причинам исключается кто-то, кто к ней принадлежит и должен принадлежать, если ему отказывают в праве на принадлежность, поскольку другие его презируют или не хотят признать, что он уступил место пришедшим позже или что они еще чем-то ему обязаны, то родовая совесть выбирает невинного рожденного позже, который под давлением органа равновесия подражает ему путем идентификации, причем подражает добросовестно. Это не является его осознанным выбором, он сам этого не замечает и не может этому сопротивляться. Таким образом, он реанимирует чужую судьбу, судьбу того, кто был исключен...» (Вебер Г. Два рода счастья: Системно-феноменологическая психотерапия Берта Хеллингера. М., 2005. С. 150).

⁸ Кроме теоретического отметим *антропопрактическое* значение обсуждаемого метода, в котором открыта возможность актуализировать родовую память, используя психотехнику, посильную для большинства наших современников.

⁹ Вспомним здесь мысль П. А. Флоренского о том, что к категории пространства уместно обращаться при описании того в действительности, что является «устойчивым и всеобщим». Ограничивающим, о-пределенным.

¹⁰ Флоренский П. А. (священник). Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 81–270.

¹¹ «Строение пространства есть кривизна его, а силовое поле вещей – совокупность сил данной области, определяющих своеобразие нашего здесь опыта»; «пространство есть начало, объединя-

ющее силовые центры, т. е. дающее возможность развернуться силовому полю» (*Флоренский П. А. (священник)*). Указ. соч. С. 91–92).

¹² П. А. Флоренский анализирует возможность измерения кривизны и в этой связи говорит о понятии емкости: «Кривизна пространства тут понимается как удельная емкость пространства данной точки» (*Флоренский П. А. (священник)*). Указ. соч. С. 100). Одно из самых впечатляющих действий, доступных взору в ходе семейных расстановок (о которых уже шла речь выше), связано с обнаружением скрытой информации о ком-то, кто причастен семье и влияет на жизнь других родственников, но – неизвестен, забыт, запрещен.

¹³ К примеру, мы вспомним здесь о методе организационных расстановок, который «вышел из разработанного Бертом Хеллингером метода семейной расстановки». (Практика семейной расстановки / Вебер Г. и др. М.: Международный институт консультирования и системных решений, Высшая школа психологии, 2004. С. 312).

¹⁴ *Федоров Н. Ф.* Самодержавие. Т. 2 . С. 9.

¹⁵ *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 182.